

Лотце Рудольф Герман

**Основания практической
философии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р83

Р83 **Рудольф Герман Л.**
Основания практической философии / Лотце Рудольф Герман – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 89 с.

ISBN 978-5-519-93953-9

ISBN 978-5-519-93953-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вывести, что человекъ *долженъ* дѣлать, еслибы не сдѣлали въ немъ молча извѣстной поправки, въ силу которой оно уже содержитъ въ себѣ не только фактическую *природу* человека, но и его *назначеніе*. Между тѣмъ послѣднее не подлежитъ *наблюденію*, подобно природѣ, и можетъ быть установлено лишь на основаніи какого-нибудь нравственнаго именно убѣжденія, не выраженнаго явно при указанномъ исправленіи естественно-историческаго понятія человека и вытекающаго изъ совсѣмъ иныхъ источниковъ. Ибо положеніе: само собою понятно, что каждое существо обязано своими дѣйствіями быть по возможности адекватно (равно) своему собственному понятію, — которое всегда еще приводятъ, какъ основаніе разсматриваемаго воззрѣнія, нисколько само собою не разумѣется. Дѣйствительно, какъ положеніе теоретическое, оно содержитъ въ себѣ только ту истину, что все, что противно понятію какого-нибудь существа, подвергается опасности и самое его бытіе; но какъ практическое предложеніе оно было бы вѣрно только тогда, когда предварительно имѣло бы силу болѣе общее положеніе, что самосохраненіе есть первая и высочайшая нравственная обязанность. Однакоже, такое положеніе, по меньшей мѣрѣ, не несомнѣнно. Мы видимъ, напротивъ, что цѣлыя историческія эпохи выставляли, съ не меньшимъ убѣжденіемъ, прямо противоположное положеніе и признавали высшею нравственною обязанностью — не только противодѣйствовать всѣмъ побужденіямъ какъ духовной, такъ и матеріальной природы, какъ вводящимъ, будто бы, въ искушеніе, но даже отказаться вообще отъ всякаго инстинкта самосохраненія и индивидуальнымъ, особымъ существованіемъ, присущимъ каждому недѣлимому, какъ экземпляру рода, пожертвовать для какой-то безконечной, отрицающей и объемлющей всѣ особенности субстанціи.

Сверхъ того, вся эта постановка вопроса ведетъ къ тому, чтобы послѣдніе нравственные идеалы разсматривать какъ имѣющіе силу только для человека, такъ какъ всякое другое существо, въ свою очередь, находило бы въ *своемъ* понятіи другія правила для своей дѣятельности. Но это вѣрно только относительно такихъ *спеціальныхъ* дѣяній, которыя не мыслимы безъ отношенія къ опредѣленнымъ

условіямъ, въ которыхъ находится какое-нибудь существо. Между тѣмъ все наше нравственное міровоззрѣніе страдало бы весьма чувствительно, еслибы и *высшіе*, отыскиваемые нами идеалы были различны для различныхъ существъ, способныхъ къ дѣятельности, еслибы, напримѣръ, то, что свято и хорошо для *насъ*, не было также свято и хорошо для *Бога* и для *ангеловъ*.

§ 4.

Недостатки разобраннаго нами воззрѣнія *идеалистическія* теоріи старались исправить тѣмъ, что указывали, — считая это возможнымъ, — на *высочайшую идею*, стремящуюся къ своему осуществленію *во всей вселенной*, изъ чего выводили мѣсто, приличествующее *человѣку* въ общей связи мірозданія и затѣмъ уже опредѣляли тѣ образы дѣйствій, которыми *человѣкъ*, съ своей стороны, способствуетъ осуществленію таковой высочайшей цѣли. Какъ бы, однако, намъ ни казалось, что въ живыхъ предчувствіяхъ духа мы въ состояніи уловить какую-то высшую мировую цѣль, никто не станетъ утверждать, что онъ имѣетъ о ней настолько исчерпывающее и точное понятіе, чтобы изъ него можно было съ увѣренностью вывести обязанности *человѣка*. Наши нравственные *убѣжденія* были бы поэтому поставлены въ зависимость отъ какой-то метафизической мудрости, которая и не каждому доступна, и *въ себѣ* не несомнѣнна. Понятно, между тѣмъ, что именно эти *убѣжденія* должны быть не только непосредственно ясны для *каждаго* *человѣка*, призваннаго вообще къ дѣятельности, но и вполне *достоверны*. Съ другой стороны, это воззрѣніе должно представлять идею, осуществляющуюся во всей вселенной, ни чѣмъ инымъ, какъ какою-то *судьбою*, отъ которой мы не можемъ уйти. Чтобы мы, напротивъ, имѣли нравственную обязанность и *сами*, чрезъ нашу *дѣятельность*, способствовать осуществленію этой идеи, разумѣлось бы само собою только тогда, когда послѣдняя содержала бы въ себѣ то, что не только *въ себѣ*, но и *для насъ* имѣло бы безусловную *нѣпьюсѣ*, когда, другими словами, тѣ образы дѣйствій,

которые мы вывели бы изъ этой цѣли, и сами по себѣ, и безъ этого вывода, имѣли бы абсолютное, обязывающее насъ достоинство.

§ 5.

Такимъ образомъ, попытки вывести изъ понятія о человѣкѣ повелѣнія, обязательныя для его дѣятельности, оказались неудачными. Остается поэтому *второй* путь, именно анализъ *дѣятельности*. Цѣлью его должно быть опредѣленіе тѣхъ формъ дѣятельности, которыя обладаютъ вышеупомянутою, непосредственно ясною и абсолютною цѣнностью.

Первое изъ воззрѣній, выведенныхъ этимъ путемъ, это—извѣстное *эвдемонистическое* воззрѣніе. Всякая дѣятельность—говоритъ оно—естественно направлено къ какой нибудь цѣли; надо поэтому, отыскать такую *безусловно цѣнную* цѣль, которая не есть только *средство* для какой нибудь другой цѣли. Такая цѣль заключается только въ *удовольствіи*, понимая это выраженіе въ самомъ обширномъ и потому не презрительномъ смыслѣ; ибо только въ отношеніи удовольствія становится совершенною нелѣпостью повтореніе вопроса: почему должно стремиться именно къ нему, а не къ его противоположности—къ неудовольствію? Оно одно, слѣдовательно, безусловно сама себя подтверждающая цѣль всей дѣятельности.

Справедливо, что въ извѣстныхъ предѣлахъ, которыхъ не слѣдуетъ, однако, преувеличивать, люди *различно* организованы въ отношеніи удовольствія и неудовольствія. Справедливо и то, что для достиженія возможно продолжительнаго, многосторонняго и совершеннаго удовольствія понадобилось бы множество *правилъ благоразумія*, которыя могли бы вытекать только изъ разносторонняго жизненнаго опыта, а не сами собою изъ понятія удовольствія. Тѣмъ не менѣе, оба эти обстоятельства не мѣшали бы признать удовольствіе *принципомъ*, и вотъ почему: во первыхъ, различіе человѣческихъ убѣжденій относительно нравственныхъ собственно обязанностей въ частностяхъ едва ли меньше, чѣмъ различіе въ воспримчивости

людей къ удовольствію или неудовольствію; вовторыхъ, до сихъ поръ не найденъ еще такой единый принципъ, изъ котораго опредѣленные, отдѣльныя правила могли бы быть выведены посредствомъ ряда дедукцій,—могли бы, слѣдовательно, быть подведены *подъ* принципъ *не* на основаніи опыта, а на основаніи научной обработки самаго принципа. Но одно затрудненіе остается: мы никогда не можемъ уйти отъ непредубѣжденнаго суда нашей совѣсти, которая утверждаетъ, что всякое стремленіе къ удовольствію, хотя и естественно, и само по себѣ не заслуживаетъ порицанія, лишено, однако, всякой нравственной цѣнности. Только въ томъ случаѣ, еслибы мы захотѣли признать, что совѣсть въ этомъ неправа и что ничего подобнаго тому, что мы называемъ *нравственнымъ достоинствомъ*, не существуетъ, могли бы мы удовольствоваться принципомъ эвдемонизма.

§ 6.

Совершенно противоположное воззрѣніе—*ригористическое*—ничего и знать не хочетъ ни объ абсолютныхъ цѣляхъ, ни объ удовольствіи, какъ цѣли. Оно утверждаетъ, что нравственное повелѣніе, которое, ради своего *достоинства*, необходимо должно имѣть силу для *всѣхъ* людей и для *всѣхъ* однородныхъ случаевъ примѣненія и, слѣдовательно, быть *всеобщимъ*, можетъ опредѣлять только *форму дѣятельности*, безъ всякаго соображенія съ *предметами* или *цѣлями*, къ которымъ она относится. Такъ возникла кантовская формула: „ты долженъ поступать такъ, чтобы правило твоей дѣятельности могло годиться для всеобщаго законодательства“.

Но различіе права и неправа въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ которомъ мы вынуждены дѣйствовать, опять таки ставится этою формулою въ зависимость отъ весьма труднаго обсужденія и разсчета послѣдствій, которыя избранное нами правило имѣло бы для всего міра. Съ другой стороны, здѣсь не говорится, какое же собственно правило не годилось бы для всеобщаго законодатель-

ства. Покуда же совершенно безразлично, что изъ этого *выидеть*, всякое нравственное или безнравственное, разумное или неразумное начало можетъ въ дѣйствительности быть проведено въ самомъ *общемъ* видѣ. Этого, очевидно, Кантъ *не* думалъ; онъ, *конечно*, подразумѣвалъ, что правила, которыми человѣкъ долженъ руководствоваться въ своей дѣятельности, годились бы, еслибы ихъ рассматривали какъ общіе законы, для какого нибудь разумнаго состоянія, для благополучія человѣчества, вообще для чего нибудь *благаго*. Слѣдовательно, вопросъ о *цѣли* въ дѣйствительности не устраняется и этою формулою.

§ 7.

Когда такимъ образомъ снова наталкиваются на *цѣль*, то утверждаютъ, что не удовольствіе составляетъ эту цѣль, а *высочайшее само въ себѣ благо*, которое въ такой степени цѣнно, что смотрѣть на него какъ на обязательную власть надо всѣми нашими дѣянiями—разумѣется само собою. При этомъ допускаютъ, что изъ дѣянiй, имѣющихъ въ виду эту цѣль, истекаетъ, въ видѣ побочнаго продукта, удовольствіе, котораго могло бы и не быть, безъ того, чтобы сказанное благо перестало быть благомъ.—Такое воззрѣніе поконится на благородныхъ мотивахъ, но въ то же время и на логической ошибкѣ. Въ нашей рѣчи есть множество выраженiй, которыми мы думаемъ обозначать свойства, присущія какому нибудь предмету *въ себѣ*; на самомъ же дѣлѣ эти выраженiя суть ни что иное, какъ опредѣленiя, которыя приличествуютъ предмету въ его отношенiи къ какому нибудь другому предмету. Такъ, напримѣръ, слова „полезный“ и „вредный“ не выражаютъ качествъ, которыя были бы присущи вещамъ *въ себѣ*; послѣднiя суть всегда только то, чѣмъ онѣ суть, и приобрѣтаютъ такіа *опредѣленiя* только чрезъ ихъ отношенiе къ какой нибудь *цѣли*, въ большинствѣ случаевъ, для нихъ совершенно безразличной. Идея *благаго* болѣе возвышенна, но *формально* находится въ такомъ же положенiи. Рѣшительно невозможно ска-

затѣ, въ чемъ собственно должна заключаться цѣнность или благодѣть какого нибудь блага или чего-нибудь благаго и *тогда*, когда то, что такимъ образомъ обозначается, представимъ себѣ въ всякаго отношенія къ какому нибудь духу, которому оно можетъ доставить удовольствіе. Предположимъ, что во всемъ мірѣ нѣтъ никого, кто бы могъ вообще испытывать отъ чего нибудь удовольствіе или неудовольствіе,—и мы бы вовсе не знали, для чего собственно что нибудь должно еще совершаться въ *такомъ* мірѣ, а еще меньше знали бы мы, чѣмъ одно дѣяніе должно быть *лучше* какаго нибудь другаго; ибо каждое новое состояніе *b*, вызванное какимъ нибудь дѣяніемъ, было бы для этого міра точно такъ же безразлично, какъ прежнее состояніе *a*, которое оно (дѣяніе) измѣнило. Однимъ словомъ: ни цѣнности, ни нецѣнности, котора была бы присуща какой нибудь вещи *въ себѣ*, вовсе не существуетъ; и та, и другая существуетъ лишь въ видѣ удовольствія или неудовольствія, которое испытываетъ обладающій чувствительностью духъ.

§ 8.

Нежеланіе поставить *удовольствіе* въ такое близкое отношеніе къ принципу практической философіи основывается на томъ, что мы говоримъ объ удовольствіи *вообще*; *тогда*, конечно, изъ его понятія нельзя ничего вычитать, кромѣ себялюбиваго удовлетворенія, которое наслаждающійся духъ испытываетъ въ моментъ наслажденія. Но въѣдъ такого дѣйствительнаго состоянія души, которое заключалось бы въ *одномъ* *несказанномъ* *удовольствіи*, вовсе и не можетъ существовать. Точно такъ же не можетъ существовать состоянія удовольствія, которое не имѣло бы своего совершенно особеннаго колорита, какъ невозможно видѣть „цвѣтъ вообще“, а только красный цвѣтъ, или зеленый и пр. Въ каждомъ наслажденіи имѣется, слѣдовательно, определенное характеристическое содержаніе, которымъ оно отличается отъ другихъ наслажденій; само же удовольствіе есть не только благосостояніе наслаждаю-

шагося духа, но, въ то же время, и признаніе объективной красоты, превосходства или благости того, что его вызываетъ. Справедливо и при томъ и остается, что, независимо отъ чувства возбужденнаго духа, *никакой* такой цѣнности въ вещахъ и въ ихъ условіяхъ объективно уже *не* имѣется. Но наслаждающійся духъ можно себя представить какъ средство, съ помощью котораго цѣнность, заготовленная въ вещахъ, вызывается къ дѣйствительному существованію, которое она, конечно, имѣть не иначе, какъ въ тотъ моментъ, когда становится дѣйствительнымъ наслажденіемъ. Или, говоря безъ сравненія: духъ, испытывающій удовольствіе, все таки не изъ себя самого производить *отличительные характеры* различныхъ чувствъ удовольствія.

Не *его*, напримѣръ, заслуга, что онъ находитъ въ мольномъ аккордѣ другой родъ красоты, нежели въ дурномъ; скорѣе можно сказать, что хотя всѣ эти цѣнности имѣютъ реальность только *въ его чувствѣ*, но что его собственные чувства противостоятъ ему въ видѣ системы разнообразныхъ членовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой особенный характеръ и свою особенную цѣнность, безъ того, чтобы духъ былъ въ состояніи измѣнить это распредѣленіе.

Вотъ та исходная точка, которою мы можемъ воспользоваться. Мы признаемъ, что существуютъ различныя условія вещей и событій, которымъ собственная цѣнность или нецѣнность приличествуетъ въ томъ смыслѣ, что они, правда, обрѣтаютъ и ту, и другую только въ *нашемъ чувствѣ*, но за то совершенно независимо отъ нашего произвола, такъ что одни изъ нихъ непосредственно и неизмѣнно одобряются, удобны, другія — не одобряются, неудобны, и что, наконецъ, столь-же непосредственнымъ приговоромъ нашего чувства устанавливается опредѣленная *градация* этихъ цѣнностей.

§ 9.

Мы, такимъ образомъ, возвращаемся, по-просту говоря, къ тому, что только отъ нашей *совѣсти* можемъ мы ожи-

дать тѣхъ изрѣченій, которыя постановляютъ намъ самыя общія нравственныя основоположенія. Никто и не оспариваетъ, что никакая теорія никогда не убѣдитъ насъ въ обязательности того, что не имѣло бы за себя одобренія совѣсти. Поэтому, дѣло спекуляціи заключается не столько въ *открытіи* этихъ высшихъ основоположеній, сколько въ ихъ примѣненіи къ разнообразнымъ обстоятельствамъ жизни съ одной стороны, а съ другой—въ приведеніи ихъ въ связь съ нашимъ *теоретическимъ* міровоззрѣніемъ. Но къ обѣимъ этимъ задачамъ—какъ первой, практической, такъ и второй, теоретической—можно приступить только тогда, когда уже несомнѣнно владѣють означенными основоположеніями. Итакъ, мы можемъ разумѣться руководствоваться какою нибудь вѣдѣною нитью при раскрытіи основоположеній посредствомъ изрѣченій совѣсти; но положенія эти мы должны принимать такъ, какъ они даются, какъ *многія*, напримѣръ, когда они не могутъ быть сведены къ одному основному началу. Но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ искажать непосредственное содержаніе этихъ изрѣченій ради *единства* только какого нибудь принципа. Да еслибы и нашелся такой единый принципъ, то только теоретической потребности нашего разума было бы доставлено нѣсколько большее удовлетвореніе, тогда какъ нравственныя основоположенія нисколько бы отъ этого не выиграли въ *обязательности*.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Основоположенія дѣятельности.

§ 10.

Упомянутая выше руководящая нить можетъ заключаться лишь въ томъ, что мы узнаемъ сперва отличительныя признаки, которыми вообще опредѣляется понятіе дѣятельности, и посмотримъ затѣмъ, какіе образы дѣйствій

совѣсть находить похвальными или заслуживающими порицанія въ отношеніи *каждаго* изъ этихъ признаковъ. Вопросъ: можетъ-ли человѣкъ и какимъ образомъ онъ можетъ осуществить эти идеальные образы дѣйствій?—остается при этомъ въ сторонѣ. Мы здѣсь слѣдуемъ покуда нашей привычкѣ—порицать, какъ несовершенства,—не дѣлая ихъ, конечно, предметомъ наказанія—и такіа несовершенства дѣятельности, которыхъ мы не въ состояніи измѣнить. Для нашей настоящей цѣли достаточно установить то различіе между *дѣяніемъ* или *поступкомъ* и простымъ *дѣйствіемъ*, что дѣяніе всегда исходитъ изъ сознанія его ближайшаго послѣдствія и что осуществленіе этого послѣдствія есть не механическій результатъ его простаго представленія, а слѣдствіе, вытекающее изъ *мотивовъ*, именно чувствъ, представляющихъ въ сознаніи цѣнность или нецѣнность предполагаемаго дѣянія.

§ 11.

Чтоже касается нашего отношенія къ этимъ *мотивамъ*, то *совѣсть прежде всего* требуетъ, чтобы мы были къ нимъ *чувствительны*, другими словами, чтобы рѣшающимъ основаніемъ нашего дѣянія было не одно только *разумнѣе* его цѣнности или нецѣнности, но и дѣйствительное *чувство* одобренія или неодобренія. Поэтому только *сердечная теплота* и похвальна; равнодушіе же заслуживаетъ порицанія; этого заслуживаетъ не только то равнодушіе, которое вытекаетъ изъ притупленности чувствъ и пресыщенности жизнью, но и та машинальная вѣрность долгу, которую, отвергнувъ всякое участіе души, превозносятъ иногда какъ настоящую нравственность.

Эта чувствительность *духа* можетъ быть разсматриваемая съ трехъ сторонъ.

Во первыхъ, ея *интенсивность* будетъ возвышать ея цѣну подобно тому, какъ всякая величина возвышаетъ цѣну того, что она измѣряетъ. Но затѣмъ *желательна* и *извѣстная экстенсивность*, именно *извѣстная всесторонность* или *многосторонность* воспріимчивости ко всему цѣнному; *всякая* же *односторонность*, какъ исклю-

чительный фанатизмъ относительно того, что только само въ себѣ велико, такъ и исключительное довольствованіе незначительнымъ, заслуживаетъ порицанія. Наконецъ, *отъ-носное измѣреніе интереса*, съ которымъ мы относимся къ различнымъ цѣностямъ. Къ серьезному слѣдуетъ относиться серьезно; незначительное же, хотя мы и совершаемъ его, должно дѣлаться мимоходомъ.

§ 12.

Во вторыхъ, понятіе дѣятельности предполагаетъ, что дѣло не ограничивается однимъ только настроеніемъ духа, но что нѣчто въ мірѣ дѣйствительно осуществляется. Въ этомъ смыслѣ совѣсть намъ говорить: „ты долженъ *вообще дѣйствовать*“. Это значить, что мы вообще не должны ждать, пока внѣшнія обстоятельства не *принудятъ* насъ къ дѣятельности, а должны, *напротивъ*, сами искать дѣла, для того чтобы осуществить въ немъ то, что рпсуетъ намъ наше воображеніе.

Но будущія дѣянія могутъ быть представляемы трояко: во-первыхъ, какъ *возможныя*; и здѣсь совѣсть внушаетъ намъ изъ возможнаго осуществить столько, сколько для насъ возможно, но никогда не желать и не искать того, что само по себѣ невозможно. Другія дѣянія могутъ, ради какой нибудь цѣли, представляться, какъ *необходимыя средства*; въ этомъ случаѣ не похвально, желая цѣли, сентиментально бояться безразличныхъ, тягостныхъ и прозаическихъ средствъ. Наконецъ, если дѣяніе *само по себѣ необходимо и обязательно*, то образъ дѣйствій, который находился бы въ противорѣчій съ этимъ убѣжденіемъ, заслуживалъ бы осужденія.

§ 13.

Въ третьихъ, нельзя „дѣйствовать вообще“; напротивъ, каждое дѣяніе имѣетъ свое содержаніе. Но нельзя сказать, чтобы наше дѣяніе когда нибудь опредѣлялось эмпирическимъ *объектомъ*, что собственно само въ себѣ непо-